

АНЖЕЛЕН ПРЕЛЬЖОКАЖ:

Культура - 2006 г. - 12-18
авт. - с. 1, 13

Танец – это эстафета

Сразу после спектакля "Времена года" Анжелен ПРЕЛЬЖОКАЖ, чья труппа фактически открыла обновленную сцену Музыкального театра имени Станиславского и Невмировича-Данченко и 15-й сезон Французского культурного центра, охотно ответил на вопросы газеты "Культура".

– Москва любит ваши спектакли, да и вы, судя по вашим регулярным приездам в российскую столицу, отвечаете ей взаимностью.

– Действительно, последние десять лет я приезжаю в Россию с определенной, даже завидной регулярностью. И во время каждого визита, а они случаются раз в два года, нахожусь в сильном волнении, задолго готовлюсь к встрече со зрителями, невольно думаю о том, что нового меня ждет, какие изменения произошли, потому что вижу Москву очень живым и быстро меняющимся городом. И если вашей страной я увлекся в последнее десятилетие, то русский балет люблю давно и не оторую Америки, если скажу, что он – одно из самых крупных явлений в истории мирового искусства. Конечно, моя страсть – история дягилевских трупп. Честно говоря, считаю спектакли "Дягилевских сезонов" модерн-балетами. Это сейчас мы представляем их классическими, а ведь Дягилев привлекал на службу танцу авангардных артистов, композиторов, художников, которые зачастую никому не были известны.

– В вашем спектакле смешались люди, звери, странные существа. Почему же для таких, довольно абстрактных фантазий вам понадобился ясный и почти программный опус Вивальди, у которого в музыке очень логично отражена смена времен года?

– К "Временам года" я обратился не случайно. Дело в том, что в предыдущем моем спектакле было много унижения, страданий, да и посвящен он был теме жестокости. Мы очень устали от тех роковых страстей, которые переживали во время репетиций. Поэтому я решил, что следующий спектакль сделаем легким, солнечным, наполненным радостью. Музыка Вивальди к этому замыслу отлично подходит. Эта работа,

А.Прельжокаж

если хотите, – отдых от брутальности, быть может, и от современного мира, в котором процветают жесткость и насилие. Вивальди мне близок, но я стремился уйти от всяких метеопрогнозов, оставив смену состояний, чувств, эмоций, а они не так уж зависят от смены сезонов.

– Арт-проекты Фабриса Ибера основаны на составлении композиций из обычных вещей, правда, они получают в его инсталляциях самое необычное применение. Почему вы пригласили во "Времена года" этого культового художника?

– Вначале у меня был иной замысел – хотел пригласить пейзажиста или ландшафтного дизайнера, думал о земле, воде, листве, но мне показалось, что это было бы слишком логично, слишком очевидно, слишком классически. Одним словом – примитивно. Тогда вспомнил об очень известном художнике Фабрисе Ибере, который сейчас находится в авангарде визуальных искусств, недавно получил первую премию на биеннале в Венеции. Пригласил его по принципу контраста, который люблю: классическая музыка и авангардное оформление. Композитор и художник – замечательно далекие друг от друга персонажи! Поступил немножко как Дягилев, когда тот обращался к Пикассо.

Экспериментатор Ибер дал совершенно иную окраску замыслу, его оформление стимулировало мою

фантазию. Он сочинил собственный мир движущихся предметов: лестницы-качалки, палки, прикрепленные к штанам, веревку и многое другое. Эти вещи заставляли меня их обыгрывать. Кстати, Фабрис сразу заявил, что все предметы должны быть использованы в спектакле.

– Чем сейчас занимается ваш Национальный хореографический центр в Экс-ан-Провансе?

– Сейчас у нас приятный и волнующий период – с нетерпением ждем открытия нашего театра, который назвали "Черный павильон". Это здание построено специально для нашей труппы, в нем четыре репала и театральный зал. Такого во Франции не было: практически все труппы работают в студиях для репетиций, и ни одна из них не имеет собственного театра.

– Вы будете показывать в театре спектакли только своей труппой?

– Думаем, что наш "Черный павильон" познакомит зрителей с тем, что творится в мире танца. Планируем приглашать разные театры. Речь идет преимущественно о современном танце, потому что сцена небольшая, на ней не разместишь много декораций, она удобна для больших спектаклей. Театр также поможет сохранить наш репертуар.

– Судя по вашим репетициям, вы общаетесь с танцовщиками выдержанно, без эмоций. Вы вообще спокойный человек?

– Я – спокойный человек, но весьма требовательный. Могу работать, не повышая голоса, но очень настойчиво, и трачу уйму времени на репетиции, чтобы добиться желаемого.

– Как вы подбираете танцовщиков в труппу?

– Желание попасть в труппу проходят конкурс, и я отбираю танцовщиков, учитывая их физическую подготовку. Затем тех, кто выдержал проверку на технический уровень, проверяю, что они представляют собой как личности: блестящие или трагические, радостные или печальные. То есть мне необходимы яркие индивидуальности, которые еще и хорошо танцуют.

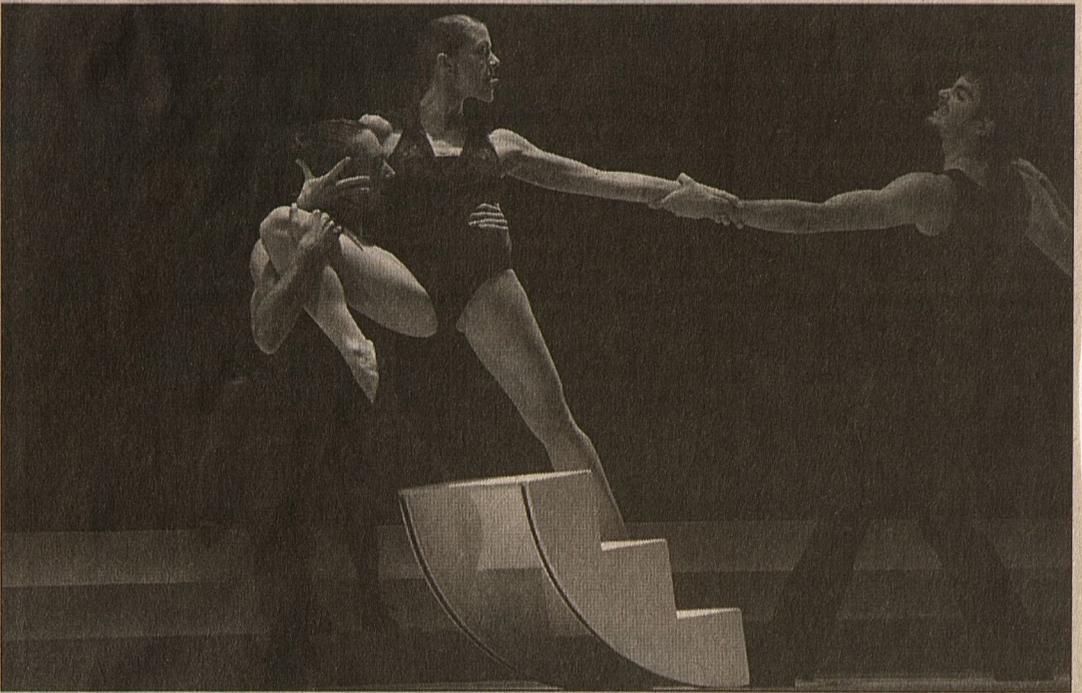
(Окончание на 13-й стр.)

Фото ИТАР-ТАСС

Культура - 2006. 12-18 авг. - с. 13

Важнее всего погода в доме

В Москве выступил непредсказуемый Прельжокаж

Сцена из спектакля "Времена года"

Французский хореограф Анжелен Прельжокаж не перестает удивлять. "Штатный провокатор" французской балетной сцены, ставящий спектакли для ведущих танцевальных трупп мира, привез в Россию спектакль, который, скорее всего, разочаровал любителей экстрима. Ничего шокирующего и эпатажного в его "Времена года" нет. Здесь не читают вслух справочника по венерическим болезням, как в "Казанове" (Парижская Опера), не тревожат памяти великих, перелицовывая классические сюжеты, не оскорбляют ничьих религиозных чувств, как это случилось с балетом "Благовещение", где на сцену вышли танцующие Богородица, да еще в обличье женщины – Архангел Гавриил. Впрочем, "Времена года" начинаются с выхода танцовщиков, закутанных в черные плащи, под которыми, кажется, ничего, кроме телесных бандажей, нет. Но исполнители манипулируют тканью своего покрывала с такой ловкостью, что разглядеть, наги они или нет на самом деле, почти невозможно. И это единственное, что способно смутить особо рьяных блюстителей нравственности.

Такого Прельжокажа мы еще не видели. "Времена года" поставленные на ставшую мобильным хитом музыку Антонио Вивальди, остроумны, изысканы и изысканно живописны. Соавторство хореографа с художником-экспериментатором Фабрисом Ибером оказалось восхитительно продуктивным. Спектакль фонтанирует изобретательностью: в нем все броско, выразительно и эффектно. Танец, оформление сцены и костюмы, которые наподобие знаменитых тканей Лой Фуллер становятся частью хореографии. А с колосников подомашнему уютно свисают самые разнородные предметы – парики, бьюки, огромная виноградная гроздь, другие диковинные плоды

(вернее, их изображения), стул, облако... И все это периодически приходит в движение, начиная медленно плыть и жить над сценой.

Венецианец Вивальди увлек хореографа в карнавальное пространство с его тайнами, переодеваниями, мистификациями и неудержимым весельем, где много милого лукавства, упоения театральной игрой, розыгрышей и "обманок". Прельжокаж не вызывает действие к сезонам, расцвечивая каждую часть яркими, "звонкими" сюжетами, рассыпая их по сцене как картинки в калейдоскопе: одни – разноцветные, другие – черно-белые, третьи – ослепляющие белизной. Как фокусник, из рукава он извлекает на свет все новые и новые изобретения. То танцовщики выйдут на сцену с хвостиками-травками, которыми (при участии "пятой точки") можно ловко жонглировать, на которые можно присесть и с которыми, как оказалось, можно отлично танцевать. То на сцене появятся два дикобраза, и треплет их иголок (сжимающихся, распрямляющихся, вибрирующих) оборачивается настоящим танцевальным номером, одним из самых запоминающихся в этой очаровательной сюите танцевальных номеров – соло, дуэтов, больших ансамблей, – легко и органично, словно по мановению волшебной палочки, перетекающих один в другой. Казалось бы, не связанные друг с другом, они сплетаются в искусный венок из разных, но гармонирующих танцевальных цветов. На смену мягким волнообразным движениям, словно вырастающим из прогибов и переплетений тел артистов, приходит игра в "прыгалки". Упавший "с неба" канат становится скакалкой, через которую азартно прыгают танцовщики (каждый – в соответствии со своей индивидуальностью и своим темпераментом): кто-то резво, как мячик,

кто-то медленно, зависая в воздухе, но все с очевидным удовольствием. В спектакле есть все, что было обещано Прельжокажем в тексте программы – "всплеск, экзальтация, зависание, вибрирование". Красивый дуэт может начинаться с оплеухи. А стремительный танец обрывается замиранием, когда танцовщики в полной тишине "рапидно" растягивают движение, и оно словно растворяется в воздухе. Можно долго перечислять идеи хореографа и художника, чего стоит только сцена с масками, в которых появляются двое артистов "нос к носу". Потом одна из исполнительниц отступает, а ее маска остается пустой, закрепленной на маске партнера, и в нее "вправляет" лицо другая танцовщица. Очередной поклон в сторону Венеции и рыжего аббата Вивальди.

Но, наверное, у спектакля не было бы такого обаяния, не насели его Прельжокаж симпатичными фантастическими существами: медвежонком или кем-то на него похожим в прозрачном скафандре, кем-то наподобие kota и зелеными попрыгунчиками, очевидно, лягушатами. Они и привносят в спектакль неожиданные для сложившегося представления о хореографе нежность и простодушие. В пластике их, в их пропорциях, костюмах есть даже нечто умиленное. Чего-чего, а этого от Прельжокажа не ждали. А он взял, уподобился Санта-Клаусу, чей костюм среди прочих вещей висит над сценой, и подарил праздник, который стал двойным. Потому как "Времена года" – первый спектакль, показанный в Большом зале открывшегося после ремонта многострадального Театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Прекрасно, с началом!

Алла МИХАЛЕВА

Фото Екатерины БЕЛЯЕВОЙ

АНЖЕЛЕН ПРЕЛЬЖОКАЖ:

Танец – это эстафета

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

– Должен ли танцовщик, приехавший на конкурс, владеть классическим танцем?

– Когда я выбираю танцовщиков, меня совершенно не интересует их танцевальный опыт. Мне нужно культурное, талантливое тело. А как они его тренировали – классическим или современным танцем, йогой или восточными единоборствами, – без разницы.

Ежедневно в театре артисты занимаются и классикой, и модерном. Приветствую практику сменных педагогов – для проведения классов приглашаю на время мастеров из разных трупп. Впрочем, не только в современном танце, но и в классике это сейчас популярно. Есть много педагогов, которые путешествуют из театра в театр.

– Во Франции вы занимались танцем классическим и современным, постигали модерн у Мерса Каннингема в США, серьезно увлечены музыкой, сарили в знаменитых театрах мира, среди которых – Парижская Опера и Штатс-опера, Ла Скала и Нью-Йорк Сити Балле. Какой танцевальный стиль вам ближе?

– Чаще меня спрашивают, открещиваюсь ли я от классики. Классический танец – это часть моей хореографической культуры, важная составляющая моего образования. Естественно, я не могу забыть или отбросить его. Но я пользуюсь классическим танцем, для того чтобы издавать свой собственный танцевальный стиль, строить новые формы.

У современной хореографии есть два пути. Те, кто идет по первому, задаются вопросом о теле, вторых заботит движение. Продуктивным ка-

жется само пересечение обоих путей. Во всяком случае, я занимаюсь тем, что задаю вопросы телу через движение. Тело "вижу" через движение, а природу движения "диктует" тело.

– Кто из хореографов повлиял на вас, на вашу эстетику танца?

– Первым, конечно, назову Нижинского. Его влияние было самым сильным. Затем – Бежар, одна из его заслуг – воспитание танцевальной публики, он увлек зрителей современным балетом. Конечно, Джером Роббинс, один из создателей неоклассического почерка. И многие другие: Мерс Каннингем, Доминик Багуз, Мари Вигман. Мне кажется, что в танце невозможно быть независимым. Танец – это эстафета, как будто один бежит с палочкой, передает ее следующему, тот – третьему. Каждый вносит свой вклад в развитие танца, которого не существует самого по себе. Каждому что-то предшествовало, и начало было очень давно...

– Вас называют возмутителем спокойствия. Застенки концлагеря в "Ромео", справочник по венерическим болезням в "Казанове" и, конечно, "Благовещение" с танцующей Богородицей и Архангелом Гавриилом. Это умышленный эпатаж? Зачем вы так круто вторгаетесь в классические сюжеты?

– Это очень интересный вопрос. Есть в искусстве намеренная провокация, публика на это легко поддается, для хореографа эпатаж – тот же азарт. Но я делаю только то, что хочу увидеть. Правда, чаще всего понимаю – то, чего добиваюсь, будет провоцировать. Но делаю это не ради эпатажа. Кстати, если люди бурно реагируют, то это хорошо, значит, искусство не растворяется в болоте. Но я совершенно не для того существ-

вую и не сочиняю ради возмущения спокойствия.

Что касается классики, то есть истории, актуальные для всех времен. История "Ромео и Джульетты" логично перетекает в наше жестокое время и может быть историей палестинской девушки и израильского юноши, например. Вообще-то полезно – для меня, во всяком случае – перечитывать философскую литературу. Мои настольные книги – трактаты Спинозы и Ницше. Перечитывая их, изменяешь отношение к людям, уточняешь свой взгляд на искусство, пересматриваешь понимание мира.

– Случайно ли возникла в вашем творчестве каноническая евангельская тема?

– Вы, конечно, о "Благовещении". В этом балете есть действенный смысл, сюжет: Ангел приходит к Марии и сообщает о скором рождении ребенка. Ситуация полностью трансформируется на людей. Я всегда задавался вопросом: почему никто не обращался к этой теме? Потом узнал, что Нижинский хотел поставить балет "Благовещение" и даже начинал над ним работать. На премьере в Парижской Опере ко мне подошла взволнованная дочь Нижинского и сказала, что тронута появлением спектакля, о котором мечтал ее отец. Еще у меня есть спектакль, в котором участвуют 12 мужчин, на одну фразу из 14-й главы Евангелия от Марка: "Сие есть Тело Мое". Пытаюсь рассуждать о том, что является физическим телом, а что духовным, дух является телом или тело – духом. Это как раз то, что меня интересует.

Беседу вела
Елена ФЕДОРЕНКО